

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ПО СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ
К IX МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ
(КИЕВ, СЕНТЯБРЬ, 1983 г.)*

✓ Вопрос № 1. Можно ли говорить о первоначальном бездиалектном состоянии праславянского языка?

Отечественная компаративистика обогатила мировую науку о языке, сформулировав постулат: «праязык, как и всякий живой язык, должен иметь историю и диалектное членение». Фортунатов и его многочисленные ученики пытались доказать этот тезис прежде всего на славянском материале. Реконструкция «праславянской диалектологии» стала, наряду с историей «или хронологией» праязыка, основной задачей сравнительных грамматик славянских языков еще в 20-е годы (А. Белич, П. Бузук и др.). Д. Джурович еще в 1913 г. опубликовал брошюру «Говоры общеславянского языка с лингвистической картой». В своих попытках подтвердить тезис о диалектном членении праязыка ученики и последователи Фортунатова нередко проецировали наблюдаемые диалектные различия живых языков уже в праязыковое состояние, что ставилось в упрек «московской» школе. Большинству компаративистов праязык представлялся единым, лишенным диалектной дифференциации, а по существу — складом архетипов, праформ, не уместившихся в рамках исторических грамматик родственных языков. И в самом деле, восстановление отдельно взятого архетипа методом внешней (сравнительной) реконструкции по самой логике сравнительно-исторического метода с неизбежностью приводит к единой праформе, эволюция которой принимает вид родословного древа. Сравнивая, например, русск. *ворѡна* ~ *вѡрон* с серб.-хорв. *врана* ~ *врѡн*, чешск. *vrána* ~ *vran*, польск. *wrona* ~ *wron*, нельзя не реконструировать исходный архетип эпохи распада иначе, чем **warnā* ~ **wārnās*, подкрепив надежность реконструкции ссылкой на литов. *vārna* ~ *vai nas*. И далее, нельзя не реконструировать еще более древние формы **wārnā* ~ **wārnās*.

А если перенести графическое отображение развития отдельного архетипа на развитие языка в целом, то и получится модель родословного древа с последовательно дивергирующим первоначально единым праязыком... Концепция генетического родства языков теснейшим образом связана с идеей общности происхождения, с понятием праязыка. На этом, собственно, и строится сравнительно-исторический метод. Казалось, что вся совокупность фактов свидетельствует о длительном, бездиалектном развитии именно праславянского языка. Лингвистическое «расстояние» между славянскими языками ничуть не больше различий между немецкими, итальянскими либо французскими диалектами. Поразительны размеры материальной общности инвентаря общеславянских морфем, лишь незначительно и вполне регулярно изменяющих свой звуковой облик от диалекта к диалекту. Несмотря на самые изощренные методы сравнительно-исторического анализа, соотносительной и абсолютной хронологии удается реконструировать максимум пять-шесть фонетических и морфологических различий, идущих не глубже V в. нашей эры. Гот-

* Вопросы опубликованы в ВЯ, 1981, № 6.

ские (II—V вв. н. э.) и германские заимствования (например, имя Карла Великого, 742-814) ведут себя как исконные слова, подчиняясь тем же закономерностям, которые привели к членению славянских языков на три группы *корбль*, *краль*, *krol*, как *вброн*, *корва* и т. п. Основные различия между славянскими языками и диалектами по данным сравнительно-исторического метода не идут глубже XII—XIV вв.

Из этих фактов исходит гипотеза (Г. Лер-Сплавинский, Н. Ван-Вейк, Н. С. Трубецкой, Г. А. Ильинский и др.) о двух периодах в истории праславянского языка — раннем, длительном, бездиалектном с медленным языковым развитием и позднем периоде бурного развития с зарождавшимися диалектными различиями. Более ортодоксальные фортунатовцы продолжали отстаивать тезис о диалектном членении праязыка, пойдя на сознательный отказ от самого термина «праязык», так или иначе ассоциируемого с представлением о строгом единстве языка-источника. Вместо него они предпочитали термин «общеславянский язык».

Исходя из современных представлений лингвистической географии следует принципиально поддержать постулат Фортунатова и с глубоким удовлетворением принять выводы О. Н. Трубачева, опирающиеся на тщательный анализ огромного массива праславянского лексического фонда: «первоначальная Славия не была языковым монолитом» (ВЯ, 1974, № 6, с. 66), а близость славянских языков «может быть также результатом длительного выравнивания». Этот вывод имеет общелингвистическое значение. Остается лишь преодолеть противоречия между показаниями фонетики и морфологии, с одной стороны, и данными «праславянской лексикографии», подтверждающими общенаучное представление о неприменимости диалектного членения языка, занимающего большую территорию и объединяющего значительное число говорящих — с другой (см. ответ на вопрос № 2 анкеты).

Журавлев В. К. (Москва)

• Вопрос № 2. Каковы возможности реконструкции диалектного членения праславянского языка (поздней поры, более древней поры)?

Исходя из постулатов классического сравнительно-исторического метода, путем сравнения родственных языков (внешняя или «сравнительная» реконструкция) можно реконструировать праязыковое состояние лишь эпохи распада. Позднее состояние реконструируется как начало формирования диалектных различий. Более раннее состояние реконструируется уже по данным сравнения с языками более отдаленного родства («двоюродными») по коленам родословного древа — для праславянского — с балтийскими. Древнейшее состояние рисуется бездиалектным. Подведение итогов разысканий в области праславянской диалектологии по следних десятилетий (Я. Чекановский, А. Фурдаль, Г. Бирнбаум и др.) выявляет следующую картину. Древнейшие диалектные различия в области фонетики и морфологии делят Славю на западный и восточный диалекты и связаны, в основном, с результатами второй и третьей палатализации: 1) $x \quad \check{e}_2, i_2 < *ai \geq \check{s}/s'; i, b, \check{e} + x \geq \check{s}/s'$; 2) $sk + \check{e}_2, i_2 \geq \check{s}\check{c} \parallel s'c'$; 3) $kw, gw + \check{e}_2, i_2 \geq kw, gw \parallel cw, zw$; 4) $tl, dl \geq tl, dl \parallel l$. К древнейшим изофонам относят еще и рефлексы $t, d + j$, хотя они не дают четкого разграничения запад ~ восток: вост.-слав. и словенск. $tj > \check{c}$, зап.-слав. $tj > c, dj > \check{z}$, серб.-хорв. $tj > \check{c}, dj > \check{z}$, болг. $tj > \check{s}t, dj > \check{z}d$; словенск. $dj > j$. Изоглоссы рефлексов r и $tort$ в общем совпадают и членят Славю на три ареала ($trot, torot, rat$). Юг Славии отчленяется от Севера морфологическими чертами ($-omь \parallel -ьmь; -y \parallel -a, nesy \sim nesa$ и одной фонетической $*ort > rat \parallel rot$, включающей в себя и часть западного ареала. Все эти изоглоссы отражают действительно поздние праславянские процессы и не могут датироваться раньше V—VI вв. Другие общеславянские

изоглоссы так или иначе связаны с процессом падения редуцированных и не идут глубже конца I тыс. н. э.

Сложилась парадоксальная ситуация: реконструкция фонетики и морфологии свидетельствует о бездиалектном характере праязыка, а реконструкция лексического фонда (О. Н. Трубачев) дает картину разнообразных и исконных диалектных различий. Последнее поддерживается и общетеоретическими соображениями. Современное науковедение, обобщая опыт развития самых различных наук, пришло к выводу, что парадоксы вскрываются там и тогда, где и когда требуется уточнить фундаментальные понятия науки, и что стремление освободиться от противоречий так или иначе способствует совершенствованию теории. Вывод О. Н. Трубачева о том, что «первоначальная Славия не была языковым монолитом» (ВЯ, 1974, № 6, с. 66), безусловно, способствует совершенствованию наших представлений о праславянском языке, теории и практики реконструкции вообще и лексического фонда в частности.

Своими соображениями относительно возможности освободиться от парадокса нашей науки мне приходилось делиться на конференции (1964 г.) по проблемам лингво- и этнографии и ареальной лингвистики. Исходя из представления о праязыке как об изоглоссной области, охватывающей совокупность родственных диалектов с определенной общностью исходного языкового материала и общих тенденций его развития, можно себе представить совпадение изоглосс с изохронами, стремящимися рано или поздно охватить всю изоглоссную область, стирая тем самым некогда существовавшие диалектные различия. Так, во всех славянских языках и диалектах рано или поздно пали редуцированные. Процесс, начатый где-то на юго-западе, постепенно, в течение трех-четырех столетий охватил всю Славию. Это значит, что где-то в XI в. проходила изоглосса, членившая Славию на две части: северо-восток еще сохранял редуцированные и структуру открытых слогов, юго-запад уже имел закрытые и открытые слоги, слабые редуцированные пали, сильные конвергировали с соответствующими гласными «полного образования». И если бы не было памятников письменности, отразивших динамику падения редуцированных, мы реконструировали бы бездиалектный праязык с едва намечавшимися различиями в судьбе сильных еров. Очевидно, не мгновенно охватили всю нашу изоглоссную область монофтонгизация дифтонов, вторая и первая палатализация. И, бесспорно, были диалекты, где уже последовательно прошли первый, второй, третий, четвертый, пятый процессы, а где-то — лишь первые три, где-то только начинал действовать первый... Такого рода диалектные различия реконструировать мы пока не можем: со временем все пять процессов охватят всю нашу изоглоссную область, изохроны сотрут прежние изоглоссы. Вот почему, когда мы лишь немного пытаемся спуститься глубже «эпохи распада», праязык нам кажется бездиалектным. А диалекты всегда были. Родственные диалекты постоянно перетасовывались, постоянно менялись эти центры иррадиации инновации. Периферийные диалекты могли отрываться от одной изоглоссной области и примыкать к другой, иррадируя общие черты двух смежных изоглоссных областей и т. д. И чем больше материальная близость, тем больше возможность взаимопонимания, с одной стороны, тем сильнее действуют общие тенденции развития — с другой, и тем в конечном итоге интенсивнее формируется материальная и структурная близость. Праязык не только расщепляется, но и консолидируется, формируется в ходе развития родственных диалектов. Мы пока можем реконструировать развитие лишь абстрактного, передового диалекта, игравшего роль эпицентра иррадиации, новообразований, существенных для всей изоглоссной области. Абстрактный — лишь потому, что условно мы его считаем единым, лишенным диалектных различий в связи с возможностями современного сравнительно-исторического метода. Эта концепция стимулировала доклад Г. Бирнбаума на VII Международном съезде славистов (1973) «О возможности реконструкции древнейшего состояния праславянского языка...», где была тщательно изложена и детально разобрана и, в общем, принята. Некоторая задержка непосредственно

отклика на неё связана с тем, что удалось опубликовать изложение этой концепции лишь в 1970 г. (Еще раз о предмете, методе, целях и задачах науки о праславянском языке. — В кн.: Язык и человек. Сборник статей памяти П. С. Кузнецова. М., 1970.)

Дальнейшее проникновение вглубь истории будет связано с усилением роли внутренней (системной) реконструкции, принципиально не ограниченной хронологической схемой «колен» родословного древа, но прочно опирающейся на достижения традиционной относительной хронологии. Так, в частности, была вскрыта взаимосвязь сатемовой палатализации с генезисом [x] (1967). Оказалось, что суть диалектных различий балто-славянской области заключается не столько в фонетической стороне, сколько в способах фонологизации аллофонов: у славян *s₂ < *k' конвергировал с *s₁, а у балтов с его позиционным вариантом š позиции после i, u, r, k. И нет нужды реконструировать общепалатославянское [š], из которого развивались то славянские [x], то балтийские диалектные [s], то «оставалось» [š]. К схожим выводам позднее пришел Г. Андерсен.

Журавлев В. К. (Москва)

✓ Вопрос № 10. Какая концепция балто-славянских отношений является, по вашему мнению, наиболее адекватной сложному характеру этих отношений (первоначальное единство; древнее ареальное соседство; вторичное сближение первоначально особых и.-е. диалектов и т. д.)?

Вот уже три четверти века не прекращается спор о характере балто-славянских языковых отношений. Вновь и вновь пересматривается постоянно возрастающая совокупность фактического языкового материала, стимулируя конкретные исследования балтийских и славянских языков. Но самое существенное, что привносит эта дискуссия, лежит в плане теоретическом: в ходе ее уточняются фундаментальные понятия компаративистики («праязык», «языковое родство», «родословное древо» и т. п.), обсуждаются причины языковой близости, языковых схождения и расхождений.

Вначале все было как нельзя лучше: поразительная близость славянских и балтийских языков обуславливала успехи реконструкции праславянского языка. Многие архетипы последнего, восстановленные путем сравнения славянских форм, обнаруживались в живом литовском языке (см. пример в ответе на вопрос № 2). Для раннего этапа реконструкции путем восхождения от колена к колену родословного древа само совпадение реконструированных архетипов с засвидетельствованными формами языков «двоюродных» казалось торжеством сравнительно-исторического метода. Все чаще и чаще за представителя балтийских языков стал выступать литовский язык, создавалось впечатление, что праславянский язык — диалект литовского... Отмечена некорректность непосредственного обращения к литовскому, было бы корректнее реконструировать праславянский архетип сопоставлять с реконструированным балтийским и восстанавливать общий балто-славянский. Но литовский продолжает доминировать в балто-славянских штудиях до сих пор. Латышский и прусский как-то остаются в стороне. И дело, вероятно, в том, что они в определенных отношениях ближе к славянским языкам, пережили с ними больше общих процессов, а потому и дают меньше расхождений, меньше материала для суждений об «эпхе распада» балто-славянского праязыка. Все более и более становится очевидным, что славянские языки составляют замкнутую совокупность с легко реконструирующимся праязыком, чего нельзя сказать о языках балтийских. В некоторых случаях важнейшие общиндоевропейские изоглоссы вместо ожидаемого разграничения славянских и балтийских языков проходят внутри балтийской языковой об-

ласти. Ср., например, изоглоссу *sr* || *str* (литов. *srauja*, др.-инд. *sraṇti*, лтш., др.-прусск. и русск. *str-*, русск. *струя*), рефлексы *k/g* (литов. *žirnis* ~ лтш. *zīrnis*, прусск. *syrne*, слав. *zърно*, русск. *зерно*), рефлексы **ā* (литов. *brólis* ~ лтш. *brālis*, прусск. *brāti*, слав. *brat(r)*, русск. *брат*) и т. п. Создается впечатление, что процесс распада праязыка не соответствовал коленам родословного древа, а вычленение праславянского ~ древнепрусского ~ литовского ~ латышского проходило более или менее одновременно. Все больше и больше осознается, что понятие «праязык», сопряженное с понятием «родословного древа» раннего компаративизма, не вполне соответствует балто-славянскому материалу. Единый, последовательно членящийся праязык при всем совершенстве сравнительно-исторического метода не получается. Наряду с поразительными сходжениями «балто-славянской эпохи» вскрываются глубокие различия, восходящие еще к более далекой древности (при сходстве системы склонения глубокие различия в спряжении и т. п.). Даже в случае схожих процессов (например, совпадение исконных *ǣ* × *ǝ*) характер единого источника — [*ǝ*] либо [*ǣ*] — нельзя в рамках традиционного метода «ни доказать, ни опровергнуть» (Я. Эндзелин). Праязык не реконструируется, хотя «расстояние» между балтийскими и славянскими языками не больше, чем между родственными языками внутри других семей (индоиранские, германские, итало-кельтские и др.), поразительное сходство налицо и требует объяснения. Однако трудно отказаться от понятий «праязык» и «родство», без которых немислим сравнительно-исторический метод. Своего рода синонимом термина «праязык» стали выступать «балто-славянская эпоха», «балто-славянское единство», «общность», «сообщность» и др. Ясно одно, что какие бы термины не предлагались, они вместе со старым термином «праязык» противопоставляются термину «языковой союз» типа Балканского по характеру сходжений. Балто-славянское «единство» характеризуется прежде всего материальной общностью весьма значительного числа исконных морфем, в том числе грамматических (слово- и формообразовательных) со строгими и прозрачными фонетическими соответствиями, что свойственно для генетического «родства», но не «сродства», приобретенного в результате длительных контактов. Для тесных межъязыковых контактов даже родственных языков необходимы определенные стимулы социального взаимодействия соответствующих социумов, хотя бы в рамках союза племен (совет вождей, общность святилищ, общность эпоса, сакральных текстов, «общесоюзного» койне и т. п.). Для балто-славянского «сообщества» трудно говорить о каком-либо социальном взаимодействии чуть ли не до Грюнвальда. Нет общего самоназвания не только для балто-славянского сообщества, но даже для балтов. Наличие самоназвания более характерно для южных индоевропейцев, теснее связанных с эпицентрами классовых обществ (кельты, иллиры, фракийцы, армя) в эпоху предполагаемого балто-славянского единства. Славяне раньше балтов составили периферию классовых обществ, что ускорило их социальное развитие, консолидацию и обретение самоназвания, пронесенного через всю письменную историю. Здесь следует вспомнить воспринятый в свое время как парадокс вывод О. Н. Трубачева относительно ремесленной терминологии: число общих славяно-балтийских новообразований минимально. Судя по данным совместного терминотворчества, славяне находились в более тесном контакте не с балтами, а с западными индоевропейцами, составлявшими в глубокой древности центрально-европейский культурный ареал, включавший германские, италийские и славянские диалекты. Однако характер этих связей, общность терминов, словообразовательных моделей и т. п. скорее свидетельствуют о своего рода «языковом союзе», культурно-экономическом ареале, о «сродстве», а не о родстве.

Итак, «праязык» не реконструируется, а длительная «сообщность» на основе тесных контактов лишена социально-исторических условий. Сообщество предполагает, как минимум, элементарнейшую меновую торговлю, но то, что могло служить предметом торгового обмена (продукция ремесленничества), лишено терминологической общности, даже числительные имеют различное устройство (литов. *vienūolika*, *dvūlika* ~ слав.

jedinъ na desęte, dva na desęte...), но материальная общность грамматических показателей, суффиксов, флексий, формантов причастий, строгость интонационных соответствий и т. п. не перестает поражать и требует объяснения.

В свое время от попытки объяснить специфику балто-славянских языковых отношений не удалось уклониться и мне. Мною было предложено (Baltistica, IV, 1968) к очередному съезду славистов некоторое решение проблемы, на основе динамического представления о языке (ср. ответ на вопрос № 2 настоящей анкеты). Согласно этой концепции, балто-славянская изоглоссная область искони представляла собой совокупность диалектов весьма близкого генетического родства с большим объемом исконно общего материального фонда, обуславливающего общность тенденций его развития и вызванную ими определенную цепь последовательных процессов, стремящихся охватить всю изоглоссную область. Эпицентры инноваций могли мигрировать, в роли «передового диалекта» могли оказаться то одни, то другие. Вполне вероятно, что те или иные диалекты, ранее входившие в данную изоглоссную область, могли выйти из нее, примкнуть к другой. В таком «оторвавшемся» диалекте будут действовать свои старые и новые тенденции, идущие от нового эпицентра. Есть некоторые основания полагать, что древнепрусский язык, языки ятвягов и голяди первоначально входили в протославянскую изоглоссную область, но позже, оторвавшись от нее, примкнули к летто-литовской, став эпицентром иррадиации общеполнославянских процессов. А летто-литовский, вероятно, примыкал к протогерманской изоглоссной области и, оторвавшись от нее, примкнул к балто-славянской, в иное время, наоборот, усилились контакты славян с германцами и т. д. «Язык» не только распадается, но и создается, материальная и структурная общность может быть результатом действия общих тенденций развития исходного материального фонда. Поразительно близки материально и структурно полные и краткие прилагательные, но это бесспорная инновация, результат весьма позднего параллельного развития. По крайней мере с V в. н. э. никак не контактируют литовцы и словенцы, но последовательность процесса элиминации дуалиса и связанные с этим явления как бы повторяются и там и тут. Если внимательно присмотреться к чертам сходства балтийских и славянских языков в области фонетики, то все они взаимосвязаны и обуславливают друг друга. Неразличение прежних $\check{a} \times \check{o}$ связано с лабиовеляризацией согласных (ср. особенно четкие следы этого процесса в прусском, *kriχstianisqwan, mergwan*, а также *vār(a)s < *urs*), сатемовой палатализацией и аллофонным варьированием [s] после *i, u, r, k*; связано с расщеплением $R \rightarrow R'/R$ или R^0/R ; ликвидация признака долготы в первой части дифтонга с необходимостью приводит к трансформации признака долготы в признак интонации, акут \sim циркумфлекс и т. п. Создается впечатление, что различия обусловлены лишь полной и последовательностью проведения той или иной общей тенденции, например, перестали различаться не только краткие, но и долгие $\check{a} \times \check{o}$ в всех позициях без исключения, делабиализовалось не только *o*, но все прежние лабиализованные гласные и \check{o} и \check{y} , согласным передан не только признак бемольности как в прусском, но и признак дизности и т. п. и т. д. И, может быть, следы балтийских гидронимов, бассейна Днепра, тщательно собранные К. Бугой, О. Трубачевым и В. Топоровым, не столько следы собственно балтийские, сколько рефлексy общего балто-славянского фонда, которые оказались обойденными плугом последовательных праславянских фонетических процессов.

Журавлев В. К. (Москва)

В о п р о с 16. Каково состояние вопроса о словаре церковнославянских памятников русского извода (восточнославянских изводов), его взаимоотношении с русской и восточнославянской исторической лексикографией, а также лексикографией канонических старославянских (древнеболгарских) памятников?

Ответ на этот вопрос следует начинать с рассмотрения источников такого словаря, с церковнославянских памятников. Проблема источников — одна из центральных для любого словаря, и именно она удачно задана в тексте вопроса.

Уже в самой форме этого вопроса, по-видимому, не случайно, находим термин «церковнославянские памятники», а не словосочетание «церковнославянский язык». Действительно, объемы этих понятий совпадают лишь частично. В 17-м т. Словаря современного русского литературного языка АН СССР (1965 г.) прилагательное *церковнославянский* определяется как «относящийся к богослужебной письменности восточных и южных славян».

Оставляя сейчас в стороне особый вопрос об определении понятия «церковнославянский язык» и следуя в этом за названным Словарем, к церковнославянским должны быть отнесены прежде всего почти все тексты, содержащие славянские переводы и списки ветхозаветной и новозаветной письменности (см., например: *Мецкерский Н. А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. Л., 1978), а для эпохи конца XV—XVII вв. преимущественно службы, похвальные слова святым, их жития, памяти, страсти, сказания о чудесах, отдельные притчи. В то же время, если нам лучше известен состав церковнославянских источников XI—XV вв., то о церковнославянских текстах XV—XVII вв. мы знаем уже много меньше.

Классическая славистика, и прежде всего русская филологическая школа, сделала немало для выявления и описания произведений древнеславянской конфессиональной литературы. Так, например, только в агиографии мы располагаем капитальными исследованиями В. О. Ключевского (Древнерусские жития святых как исторический источник. СПб., 1874), А. П. Кадлубовского (Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902), П. Сырку (Литургические труды патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1890), И. Яхонтова (Жития святых севернорусских подвижников Поморского края. Казань, 1882), Н. И. Серебрянского (Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. Чтения ОИДР, 1908, III, IV). К сожалению, позднее эта традиция почти оборвалась. Многие другие, весьма важные сами по себе проблемы, надолго оттеснили на второй план вопрос об изучении того подлинно литературного языка, который функционировал в средние века в письменности восточных и южных славян.

IV и V съезды славистов удачно способствовали оживлению интереса к этой проблематике.

Включение церковнославянского языка в ряде работ в понятие древнеславянский язык содействовало углублению представлений о церковнославянских памятниках. Постепенно все более очевидным становилось, что наши знания о церковнославянском языке XIV—XVI вв. в целом весьма поверхностны, что у нас нет сколько-нибудь полных описаний даже грамматики славянских текстов разных ареалов по отдельным хронологическим периодам. Многие памятники относились или не относились к церковнославянским по чисто внешним, нелингвистическим критериям. Именно в связи с этим в кругу названных проблем 20 лет назад коллективом филологов Ленинградского ун-та при участии Н. И. Толстого была предпринята попытка сравнительного лингвостатистического описания морфологии памятников древнеславянской письменности XI—XVI вв., нашедшая свое отражение в двух книгах и ряде сопредельных публикаций. Материалы этих работ содержат немало данных и для рассмотрения вопроса о критериях отнесения памятников к церковнославянским. Напомним ниже наши основные исходные положения и выводы.

Было привлечено 106 источников XI—XVI вв., анализу подвергнуто свыше 1 000 000 словоупотреблений. Все источники были строго разбиты в хронологическом, ареальном и жанровом отношении. Среди привлеченных произведений преобладают тексты конфессиональные и повествовательные. Это и евангелия (Зографское, Маринское, Остромирово, Мирославово, Галицкое, Добрейшево, Вуканово), и переводы ветхозаветных текстов из Валахии, Словении, и псалтырь (Синайская, Чудовская, Погодинская, Болонская, Симоновская, Софийская, Бухарестская), и апостол (Охридский, Слепченский, Толковый 1220 г., Шишатовацкий); наконец, это тексты житий XI—XVI вв., произведения Евфимия Тырновского, Епифания, Похомия Логофета, Иосифа Волоцкого, Владислава Граматака, Димитра Кантакузина, Константина Костенечского, Григория Цамблака, Четьи-Миней Макария, многие повести.

Основные выводы следующие. Конфессиональные и повествовательные тексты во все времена представляют наиболее яркий характерный и устойчивый тип церковнославянских текстов. Все материалы убедительно свидетельствуют о единой системе именного склонения и словообразования конфессиональных и повествовательных текстов у южных и восточных славян с XI по XVI вв. Локально-ограниченные флексии, суффиксы крайне незначительны, у большинства авторов их нет вообще. Нет форм, характерных исключительно для отдельных текстов. В то же время нет ни одного текста, включая и источники XI—XII вв., который не имел бы отступлений от канонической старославянской (древнеболгарской) системы именного склонения в том ее виде, как она представлена в любом общем пособии по старославянскому языку.

Таким образом, весьма логично предположить, что если таков язык этих южновосточнославянских произведений XI—XVI вв. по данным морфологии и словообразования, то таковы же эти источники и по характеру их лексики. И здесь весьма показательны местные жития святых. Так, по нашим наблюдениям, в псковских житиях XIV—XVI вв. (Жития Довмонта, Никандра, Саввы Крыпецкого, Ефросина, Георгия Софийского) мы находим ту же единую церковнославянскую систему именного склонения и словообразования. В этих памятниках нет ничего местного ни в морфологии, ни в лексике, и лишь изредка в них прорываются разговорные слова типа *градецъ*, *крабица*, *оконница*, *рогозина*, *лавица*.

Таков же, по-видимому, и характер языка севернорусских поморских житий. Конечно, всему этому и в Болгарии, и в Сербии, и на Руси есть свои причины (реформа Евфимия Тырновского, второе южнославянское влияние, выдающаяся деятельность митрополита Макария и др.), рассмотрение которых не входит сейчас в наши задачи. Подчеркнем другое. Все сказанное свидетельствует о том, что внешние, экстралингвистические критерии отнесения памятников к церковнославянским и критерии собственно лингвистические (включая и стилистические) не совпадают.

Так, как раз по собственно языковым признакам к церковнославянским текстам должны быть отнесены не только евангелия, псалтырь или жития и похвальные слова, но и многие повести XV—XVI вв. (московские, новгородские), троянская история во множестве ее списков и редакций, включая и западнославянские, сербские повести, и такие яркие региональные произведения, как Повесть о приходе Батория на град Псков или Повесть о Псково-Печорском монастыре, большинство полемических сочинений Даниила, Василия из Острога, Максима Грека, Петра Скарги и др.

Во всех этих памятниках представлен в целом единый яркий, образный, достигший исключительно высокого стилистического уровня литературный язык славянского средневековья. Это и есть церковнославянский язык.

Строго лингвистически словарь церковнославянского языка — это словарь текстов, в которых отражен этот язык. Однако такой подход логически предполагает, что мы знаем, во-первых, эти тексты, а во-вторых, располагает таким эталонным описанием языка, которое могло бы служить впоследствии основой отнесения или неотнесения каждый раз того или иного памятника к церковнославянскому.

Думается, однако, что задать заранее жесткое эталонное описание церковнославянского языка даже на уровне фонетики и морфологии в целом также трудно, как создать, например, эталон обиходно-разговорного языка XV—XVII вв. Везде будут выделяться ядро, центр и периферия, незаметно переходящая к другим подъязыкам. Это будет картина, во многом напоминающая лингвистическую карту, на которой неплохо очерчивается ядро диалекта, а далее следуют широкие размытые переходные зоны.

Аналогично и с памятниками церковнославянской письменности. И здесь выделяется ядро текстов, но уже гораздо сложнее с повестями, с летописями; то и дело будут встречаться памятники, не укладывающиеся в заранее заданные жесткие рамки.

Таким образом, если при подборе церковнославянских памятников в качестве источников для словаря по тем или иным причинам нельзя использовать только собственно языковые критерии, следует ориентироваться на ядро текстов, но не ограничиваясь им, привлекать также и памятники из периферийных зон. Этот принцип давно оправдал себя, с одной стороны, в лингвистической географии, а с другой стороны, — в полевой семантике. Границы диалекта в лингвогеографии и семантического поля в семантике могут быть определены только с учетом размытых переходных зон.

Остановимся и на собственно лексикографических антиномиях словаря в аспекте его источников, церковнославянских памятников. С позиций далекой перспективы и лингвистически и экономически более оправдан, конечно, единый словарь церковнославянского языка, который включал бы в себя лексику как южнославянских, так и восточнославянских текстов, например, с XIV по XVI вв. Это могла бы быть фундаментальная тема по типу ОЛА. Но в едином словаре неизбежна нивелировка своего, местного. Учитывая высокое стилистическое мастерство многих авторов, эти семантические и стилистические потери нежелательны.

Антитезой такому единому словарю является словарь автора, в котором можно по всем спискам, семантически детально рассмотреть лексику произведения. Для многих авторов, таких, как Евфимий Тырновский, Киприан, Григорий Цамблак, Владислав Грамагик, Епифаний Премудрый, Иван Вишенский, такие словари весьма желательны. Но здесь мы за частным долго не увидим целого — единого церковнославянского языка.

Наконец, именно среднее компромиссное решение представляет собой создание словаря церковнославянского языка по традиционным изводам (болгарский, сербский, русский, западнорусский). Но и здесь остаются неясными два вопроса. Первый — об отражении в таком словаре хронологически разных списков таких памятников, как евангелие, псалтырь, житий южнославянских святых в русских списках и т. п., и второй — об отношении к многочисленным пространным цитатам, вставкам из самых различных, как правило, более ранних конфессиональных памятников.

И, наконец, вновь о внелингвистических препятствиях в создании даже такого словаря. Любая большая лексикографическая работа — работа коллективная. Тогда каждый член коллектива вправе иметь постоянно под рукой, на полке хорошие филологические издания всех источников словаря. К рукописи в библиотеке можно обратиться раз, другой, третий, к тексту лексикограф обращается ежедневно и ежечасно. Но много ли мы имеем хорошо изданных конфессиональных и конфессионально-повествовательных текстов? Большинство из них рассеяно по таким редким уже сегодня изданиям, как Православный собеседник, Памятники старинной русской литературы, Чтения ОИДР, Чтения ОЛДП и др. Прекрасное издание Великих миней Четких Макария не закончено. Множество житий, похвальных слов, служб святым заключено в различных рукописных сборниках смешанного содержания. Не собраны пока воедино даже произведения Епифания, Похомия Логофета, Киприана, попа Василия, хотя бы так, как это было сделано Э. Калужняцким в свое время для Евфимия Тырновского [Werke des patriarchen von bulgarien Euthymius (1375—1393). Wien, 1901].

И если недавно вышел в свет словарь Моления Даниила Заточника по всем спискам, подготовленный ленинградскими филологами по замыслу Б. А. Ларина, то, в частности, это оказалось возможным только потому, что авторы словаря располагали всеми опубликованными списками Слова и Моления Даниила Заточника. Именно в последнем, может быть, и заключается главное. На повестке дня сегодня пока не столько создание единого словаря церковнославянских памятников русского или сербского изводов, а большая и углубленная работа по филологической подготовке изданий основных церковнославянских текстов, и прежде всего выдающихся произведений русской конфессиональной литературы XIV—XVII вв. Немногочисленные исторические словари русского языка, предпринятые или издаваемые, включают этот материал в целом случайно, непоследовательно и фрагментарно, нигде он не стал пока основным объектом лексикографического исследования. Каждый новый филологический словарь требует своих принципов подбора источников, свою новую картотеку.

Герд А. С. (Ленинград)

Вопрос № 17. Как вы понимаете практическую зависимость задач исторической лексикографии от объема соответствующей национальной книжно-письменной традиции по опыту разных славянских стран (проблема тезауруса, тип словарной статьи, полнота словника)?

Этот вопрос затрагивает очень много аспектов, и ответить на него можно только в общем плане. Объем соответствующей национальной книжно-письменной традиции в значительной степени диктует исторической лексикографии свои правила и имеет решающее влияние на практическую реализацию ее задач. Их решение при соответствующем объеме бывает обусловлено, как правило, такими главными причинами: а) выбором условного ограниченного отрезка времени для исследования; б) количеством и объемом самих памятников этого отрезка; в) выбором письменных памятников по жанрам или использованием этих памятников независимо от жанровой дифференциации; г) принципами расписывания памятников (сплошное или выборочное расписывание); д) типом исторического словаря.

Конечно, идеальным историческим словарем был бы словарь типа тезауруса, в котором есть возможность подать все слова, их значения, существующие в письменных памятниках условно избранного отрезка времени. Но подготовка такого типа словаря возможна только в том случае, если для исследования избран небольшой период истории языка с небольшим объемом письменных памятников. Создать такого типа словарь ставили себе целью авторы Словника староукраїнської мови XIV—XV ст., который приближается к специальным словарям филологического характера. Тип тезауруса можно наиболее удачно использовать при подготовке словаря отдельного исторического памятника. Для памятников определенного исторического периода даже одного жанра тезаурус может существовать до того времени, пока не появятся новые письменные памятники.

Наиболее типичным и широко применяемым в исторической лексикографии при любом объеме книжно-письменной традиции является тип общефилологического исторического словаря, задача которого подать исчерпывающую информацию об истории слов, их значений, по возможности их возникновения и прекращения существования. Конечно, в славянской лексикографии каждый из таких типов словаря может иметь свои особенности, определенные их авторами.

Полнота словника также в значительной степени зависит от количества и объема письменных памятников исследуемого периода, а также от принципов расписывания памятников, положенных в основу словаря. В связи

с этим возникает закономерный вопрос а возможна ли вообще исчерпывающая подача всех слов, значений слов, семантических оттенков в исторических словарях? Нам кажется, как многое в этих словарях, полнота подачи словника остается условной. При подготовке, например, картотеки Исторического словаря украинского языка XVI — первой пол. XVII в — следующего словаря в звене украинских исторических словарей принцип сплошного расписывания не удалось выдержать (большое количество и объем письменных памятников), вследствие чего о полноте словника уверенно говорить невозможно.

Объем памятников и выбор материала обуславливают в значительной степени тип словарной статьи. Как правило, в историческом словаре будет преобладать тип статей, характерных для переводных словарей. Вместе с тем время от времени могут использоваться элементы толкового, этимологического и энциклопедического словарей.

Словарные статьи исторических словарей имеют одну главную особенность — важную функцию в них несет экземплификация. Экземплификация в исторических словарях выполняет те задачи, которые в первую очередь ставятся перед исторической лексикографией — быть основным фиксатором возникновения слова, его значения. Чем богаче книжно-письменная традиция, тем достовернее иллюстрации и тем более исчерпывающая характеристика соответствующих языковых явлений.

Полюга Л. М. (Львов)

В о п р о с № 18. Как вы охарактеризуете специфику различия между словарной (интенсивной) информацией о наличии слов в языке и фактической (экстенсивной) встречаемостью слов в тексте (по данным исторической лексикографии)?

О такой специфике различия можно уверенно говорить лишь в том случае, когда все сохранившиеся письменные памятники «живого» в прошлом языка расписаны и на основании их создана картотека исторического словаря. Тогда можно утверждать, что встречаемость слов в тексте представлена в словнике широко, но количественное различие между словарной информацией о наличии слов в языке и фактической встречаемостью слов в тексте существует и существовать будет всегда, ибо общеизвестно, что самое большое количество письменных текстов никогда не в состоянии засвидетельствовать наличия всей многогранности лексического обилия живого языка. Тривиальное утверждение, что словарь успевает «постареть», не успев еще появиться на свет, в данном случае можно считать наиболее верным.

Сравнение наличия слов в языке и встречаемости слов в тексте письменных памятников будет в значительной степени зависеть от разного подхода к выбору слов при создании картотеки исторического словаря — принципов расписывания (сплошного — выборочного), а также в некоторой степени от избранного отрезка времени истории исследуемого языка. Если избранный условно исторический отрезок уже, письменных памятников меньше, осуществляется более сплошное расписывание текстов, специфика различия становится все меньше. Уменьшить такое различие частично может диалектологическая лексикография.

Полюга Л. М. (Львов)

Вопрос № 19. Каковы перспективы воздействия лексикологии (общей, исторической, этимологической) на славянскую лексикографическую практику?

Связь лексикологии и лексикографии в настоящее время нельзя сводить только к отношению «теория — практика, исследование — применение». Обе эти области входят в состав науки о словарном составе. У них один и тот же объект с выделяемым по-разному объемом, но специфические цели и методы описания. Лексикография сама по себе обладает теорией и практикой, которая заключается в создании словарей различных типов. Следовательно, в нее входят теория лексикографии (ср. взгляды акад. Шербы) и практическая деятельность лексикографов. Теория лексикографии отражается и на принципах разработки отдельных словарей, к ней относятся, например, вопросы толкования лексических единиц и типология словарей. Мы имеем в виду, разумеется, лингвистические словари, среди которых главное место занимают академические одноязычные толковые словари современного языка различного объема, составляющие базу и для словарей других типов. Среди последних можно указать, например, словари специальные, двуязычные и многоязычные, школьные, профессиональные, оставив в стороне словари с практическими целями, популярными и т. п.

С точки зрения лексикологии наиболее важны словари алфавитные и систематические (идеографические), в обоих случаях словари современного языка. Лексикология как теория словарного состава нуждается в целях доказательства и верификации своей теории в лексикографии, в конкретных словарях.

Большой одноязычный академический словарь содержит прежде всего многоаспектное описание отдельных лексем. Эта комплексная лингвистическая информация включает правописание, произношение, грамматические, словообразовательные и стилистические моменты, сочетаемость (валентность), характеристику значения, а иногда и сведения об употребительности. Благодаря этому словарь такого типа, особенно если он имеет нормативную направленность, становится суммой знаний о языке вообще. Лексикология оперирует более ограниченным материалом: она имеет дело прежде всего с формой и значением лексем и их отношениями, используя те установленные релевантные формальные характеристики (включая грамматические), которые сигнализируют и объективизируют различные значения лексем, их оппозиции и различительные компоненты. Ее основная функция и преимущество по сравнению с лексикографией заключается в том, что лексикология обобщает частные наблюдения лексикографии, сопоставляет их с положениями теоретической лингвистики, объясняет их и пересматривает некоторые конкретные результаты лексикографии. Существенную помощь ей оказывают существующие словари: специальные, синонимические, фразеологические, словари иностранных слов и словари терминологические. Уровень одноязычного толкового словаря зависит от уровня этих специальных словарей. Весьма желателен и необходим для повышения теоретического уровня лексикологии словарь семантических полей (идеографический), который регистрирует частные системы словарного состава. Следовательно, лексикология критически опирается на лексикографию, приводит ее выводы в специфическую лингвистическую систему, стимулирует ее развитие и обеспечивает реализацию этих импульсов на более высоком уровне.

По нашему мнению, которое сформулировано и реализовано в краткой «Чешской лексикологии», подготовленной к печати, лексикология включает в себя лексическую семантику с разделом о сочетаемости лексических единиц; лексическую ономастиологию (обе эти области взаимодополняются при описании и оценке семантической деривации, семантических отношений и частных систем словарного состава, иногда и при их межъязыковой конфронтации) область словообразования; область фразеологии; лексическую стилистику. В настоящее время, когда лексикология, содержащая полное и адекватное описание активного современного сло-

варного состава, остается все еще недостижимым постулатом, следует и лексикографическую работу, связанную с созданием академических одновязычных словарей и базирующуюся на уникальном материале и его всестороннем описании, считать составной частью словарного состава языка. Кроме того, лексикография преследует, разумеется, и специфические цели, связанные с выбором путей и форм приближения лингвистических материалов к потребностям лиц, пользующихся словарями.

В целом можно сделать следующий вывод: лексикология и лексикография обязаны сотрудничать. Сила лексикографии заключается в теоретически обоснованной эмпирии, сила лексикологии — в обобщении эмпирии и установлении связей с лингвистической наукой.

Филипец Й. (Прага)

Исследования по-лексикологии имеют прямое влияние на создание лексикографических трудов. Однако каждая из перечисленных лексикологий может по-разному воздействовать на лексикографическую практику. Этимологическая лексикология — неотъемлемая часть создания высококачественных и полных этимологических словарей славянских языков. Этимологическая и историческая лексикологии непосредственно способствуют развитию исторической лексикографии. И, наконец, общая лексикология вместе с этимологической и даже с исторической могут воздействовать на практику создания разного типа общефилологических и специальных словарей современных языков. Перспективы воздействия лексикологии на славянскую лексикографическую практику будут идти в разных направлениях: способствовать повышению качества лексикографической работы вообще и более удачному созданию словника в частности, а также содействовать более четкому и последовательному размещению значений слов в словарных статьях, удачному переводу слов в двуязычных словарях. Практика создания словарей разного типа и исторических словарей в частности показывает, что без лексикологических исследований при создании словарей обойтись вообще невозможно. Когда лексикология не разработана, «словарникам» приходится для своих нужд проводить самостоятельные лексикологические исследования. А известно, что уровень таких исследований бывает очень неровным.

Высокое развитие лексикологии было бы идеальным условием подготовки лексикографических работ. Однако сегодня в славянской лексикографии наблюдается другая картина, когда время неумолимо выдвигает необходимость создания словарей, независимо от того, существуют или не существуют лексикологические исследования. А эти лексикографические работы в свою очередь влияют на развитие лексикологии. Перспективы влияния взаимные.

Полюга Л. М. (Львов)

Историческая лексикология и историческая лексикография развиваются параллельно, и конкретные проявления их взаимодействия достаточно известны. Активизация русской лексикографии позволяет весьма оптимистично оценивать ее перспективы.

Каждый новый этап развития исторической лексикологии приводит к выводам о каких-то несовершенствах в имеющихся или выходящих исторических словарях. Например, осознаваемая в настоящий момент необходимость в обобщающих трудах по исторической лексикологии не может быть удовлетворена без создания словарей, фиксирующих жанрово-сти-

листическую и географическую дифференциацию лексики. Достаточно глубокая и ясная ретроспектива, освещающая эволюцию отдельных слов, помогла бы решить немало неясных вопросов современной диалектологии и лексикологии русского языка.

Дальнейшее развитие исторической лексикологии потребует создания большого (с максимальным охватом источников) старорусского словаря XIV—XVII вв. и целого ряда частных словарей того же периода: словаря языка Москвы и некоторых других регионов, словаря делового языка, словаря книжнославянского языка периода второго южнославянского влияния. Уже сейчас очевидна нужда в диалектном словаре XIV—XVII вв. или только XVII в., который в дальнейшем будет пополняться и уточняться, а именно в этом и будет состоять смысл его первоначального издания.

Создание лексиконов русского языка XIV—XVII вв. обеспечено большим количеством опубликованных источников, особенно XVII в., и поистине неисчерпаемыми фондами рукописей делового содержания второй половины XVI—XVII вв. Эти материалы выявлены и в известной мере исследованы лексикологами, т. е. выполнена необходимая работа, предваряющая вышеназванные лексикографические мероприятия.

Судаков Г. В. (Вологда)

В о п р о с № 20. Каковы возможности конкретной лексикологии в решении принципиальных проблем истории русского литературного языка?

При правильно заданном направлении общего потока исследований и координации работ в области исторической лексикологии эта наука может дать конкретные и почти исчерпывающие фактические подтверждения или опровержения для целого ряда теорий и гипотез по проблемам истории русского литературного языка, особенно таких, которые основаны не на анализе источников, а на авторитете отдельных ученых. Для реализации объясняющих возможностей исторической лексикологии нужно усилить внимание к употреблению древнерусского слова. Пока мало исследований об употреблении слова в тот или иной исторический период с учетом всех функциональных сфер языка, поэтому мы не знаем всего спектра семантики слова, не учитываем жанрово-стилевую дифференциацию значений полисемантического слова и такую же дифференциацию внутри отдельных лексико-семантических групп. Даже работы по лексической синонимии ограничиваются часто анализом синонимов в одной функциональной разновидности языка. При исследовании лексики той или иной тематической группы заметно сознательное ориентирование на определенный круг источников, где сосредоточен массовый материал, но такое сужение круга источников обедняет наши представления о составе литературного языка. Так, конкретно-бытовую лексику принято изучать по данным деловой письменности, а отвлеченную лексику — в литературно-книжном языке. Между тем, например, плодотворным оказывается изучение лексики сферы материальной культуры в литературно-художественных и религиозных текстах, а отвлеченных существительных — в памятниках деловой письменности. Очень вероятно, что лексическое единство русского языка уже в XVI—XVII вв. было большим, чем это допускает распространенная идея двуязычного параллелизма или типологической структуры русского литературного языка.

В литературном языке XVII в., действительно, наблюдается закрепленность слов или отдельных значений многозначных слов за определенным типом контекста, т. е. употребление зависит от общего словесно-семантического и стилистического фона контекста. В литературно-художественных текстах предпочитают слова с обобщенно-абстрактным значением.

Из слов конкретно-бытовой сферы избираются лексические единицы с обобщенной семантикой, способные приобретать дополнительное символическое значение. Контекстуальная обусловленность употребления слов определяет своеобразный объем синонимических рядов в этих текстах в отличие от других разновидностей литературно-письменного языка. Вместе с тем расширение социального состава авторов, демократизация содержания литературных произведений, появление новых родов литературы (поэзия, драматургия) привели к тому, что в текстах XVI—XVII вв. появились упоминания о таких конкретных деталях внешнего вида, качествах, свойствах, хозяйственных функциях отдельных предметов, которые редко называются даже в деловых документах, например, *поветь* «укрытие для скота в непогоду» (Аввакум «О сотворении мира»), *полати* «навесная площадка под потолком избы для отдыха и сна» («Служба кабаку», «Повесть о Шемякине суде»), названия иноземных блюд («Сказание о даре шаха Аббаса России») и др. Фиксируются здесь и новые иноязычные заимствования (*квартира* — в списке XVII в. «Повести о купце»), и диалектизмы (*укруга* «род напитка» и *кут* «часть сельской усадьбы» — в «Сказании про храброго Бову каралеви́ча», *зимовье* — в «Житии протопопа Аввакума»), отражающая процесс трансформации составных наименований в одно слово (*богадельная изба — богадельня, темная полата — темница*). Такие тексты, как «Великое Зерцало», способствуют вовлечению в письменный обиход из разговорной речи уменьшительных образований с эмоционально-оценочным значением: *домок — домишко — домик* и под.

С другой стороны, благодаря целенаправленному поиску в деловой письменности конца XVI—XVII вв. выявлено большое количество отвлеченных существительных самой разнообразной структуры, неполногласных вариантов и т. п. элементов, сближающих деловую речь с литературно-художественными текстами.

Приведенное сопоставление раскрывает одну, но не единственную возможность характеризовать состояние русского литературного языка того или иного периода с помощью данных лексикологии.

Судаков Г. В. (Вологда)

Лексикология конкретного языка, образующая вместе с лексикографией важнейший участок науки о словарном (лексическом) составе, обладает полной компетенцией при решении принципиальных проблем истории соответствующего литературного языка. Лексический уровень, содержащий комплексы номинативных единиц в самом широком смысле слова (слов и их частей, морфем, фразем, включая предложения, входящие в более сложные образования), наиболее непосредственно отражает жизнь общества в его развитии и существенным образом определяет языковую ситуацию каждого периода. Несмотря на стремление обосновать лексикологию с лингвистической точки зрения, не следует подвергать сомнению, что это вместе с тем и социолингвистическая область.

В своем развитии язык выступает в различных контактовых ситуациях внешнего и внутреннего характера. К внешним факторам относится заимствование лексических единиц из других языков, к внутренним, с одной стороны, конкуренция диалектов и появление интердиалектов, с другой стороны — развитие и дифференциация функциональных стилей и слоев, в особенности в связи с противопоставлениями «разговорность — книжность», «общеупотребительность — профессиональная ограниченность» и влияние социальных групп (сленг — профессиональный язык). В развитии языка сказывается влияние важных исторических событий, авторитет выдающихся личностей и письменных текстов. При этом выражается разное отношение говорящих к действительности, что сказывается на прагматических признаках лексических единиц. В зависимости от указанных факторов представляется возможным периодизация истории языка.

Так, например, в развитии словарного состава чешского языка важна эпоха Карла IV, обогатившая терминологию ряда областей и словарный запас художественной литературы; гуситская эпоха, которая привела к переоценке наименований социальных отношений и благодаря авторитету Яна Гуса возвысила среднечешское наречие до уровня основы литературного языка; эпоха печатника и лексикографа Д. А. Велеславина; эпоха национального возрождения, представленная авторитетом Й. Юнгмана, автора важнейшего словаря чешского языка; в XX в. после первой мировой войны было устранено немецко-австрийское влияние, была создана чешская терминология для множества отраслей; важной вехой стала революция 1945 г. Таким образом, мы приходим к понятию современного словарного состава, центром тяжести которого являются специальные, публицистические, административные и разговорные тексты. Словарный состав произведений художественной литературы всегда бывает специфичным. Кроме общепотребительного словарного запаса, художественная литература содержит эстетически смещенные и типичные для отдельных авторов лексические единицы.

Филипец Й. (Прага)

В о п р о с № 21. Каковы перспективы исследования лексической семантики славянских языков (современной, исторической, праславянской).

Лексическая семантика наряду с ономаσιологией является главной областью лексикологии и вместе с тем семантического уровня языка. Значение морфемы (семантемы) можно извлекать только из значений слов, например, *-ka* означает производителя действия: *mluv-ka* «говорун»; носителя признака: *citliv-ka* «недотрога»; орудие действия: *koléb-ka* «колыбель»; предмет, похожий на что-либо: *hláv-ka* «кочан»; место: *zastáv-ka* «остановка» и т. п. Значение предложения (высказывания), смысл выступает как целостное качество, являющееся итогом лексических и грамматических значений всех лексических единиц (словоформ), использованных в предложении. Лексическая семантика современного языка служит базой исторической лексической семантики.

Р е л е в а н т н ы м и п р и з н а к а м и лексической семантики являются:

1) Связь с грамматикой (морфологией и синтаксисом). Лексическая семантика специфическим способом охватывает все части речи, следовательно, и неполнозначные, хотя у некоторых из них она носит лишь характер функции (например, соединительные союзы, указательные частицы). Морфологические различия, в особенности число у существительных, лицо у глаголов, характеризуют и объективизируют разные значения многозначных лексем и в то же время выражают конструктивные и сочетаемостные различия.

2) Важной задачей лексической семантики является дифференциация значений многозначных лексем (гиперлексем). Лексические значения обладают характером инвариантов, иногда бывают вариантом соответствующих основных синонимов (*osel* «животное» и *osel* «дурак»). Каждое соединение лексем, содержащее полный или частичный набор ее словоформ [например, *jit* 1. «идти» во всех лицах в противоположность 11. *jde to* «это возможно» только в 3-м лице и безличному 12. *jde o (to)* «дело в том»] с соответствующим значением, образует основную лексическую единицу (лексию).

3) Каждая однозначная лексическая единица-тип, выступая на эмпирическом уровне в специфических словосочетаниях своими видами (аллолексами), обладает определенной дистрибуцией. В связи с этим следует анализировать ее контекстуальную, лексическую и семантическую соче-

таемость наряду с указанной синтаксической сочетаемостью (валентностью). Лексическая единица в своем значении отражает определенный класс фактов, — речь идет об отношении денотации, референции, экстенсии. Эти отношения, однако, предполагают интенциональное ограничение объема значения прежде всего с точки зрения родственных слов (частная система). Если нам нужно что-либо обозначить словами *pahorek* «пригорок», *vrch* «холм», *korcs* «горка», *hora* «гора», у нас для этого должны быть определенные критерии. Лексическая семантика вследствие этого не может ограничиться выявлением денотации, она обязана определять значение лексической единицы в связи с ее манифестациями (тем, что будет общим для репертуара их употребления в контекстуальных сочетаниях), в парадигматических связях; у многозначных лексем, помимо этого, следует учитывать взаимоотношение отдельных значений. Значение, установленное на пересечении всех этих отношений, обладает характером языковой значимости и обозначается нами термином «семема».

4) При внутриязыковом сопоставлении лексических единиц, входящих в частные системы, лексические единицы анализируются как иерархически организованные комбинации компонентов, сем, на базе чего реализуются различные семантические отношения: антонимии, синонимии, полисемии, переноса значения, омонимии, отношения словообразования, гипонимии, гиперонимии, когипонимии. При описании этих отношений семантика сотрудничает с ономаσιологией (семантическое движение от формы к значению и ономаσιологическое — от значения к форме — соответствуют позиции слушателя и говорящего).

5) Те же принципы применимы при систематизации частных систем в словарном составе и их последующих отношениях, что и является целью лингвистического описания словарного состава и лексической семантики.

6) Таким образом, лексическая семантика — это весьма расчлененная область лексикографии, содержащая следующие разделы: общие проблемы — теория и методы изучения лексического значения; установление значения и семантических компонентов; анализ сферы семантического использования лексем; вместе с ономаσιологией: семантическая деривация, лексико-семантические отношения, лексико-семантические частные системы.

Филлипец Й. (Прага)

В о п р о с № 22. Каковы возможности расширения типологических критериев при изучении славянской лексической семантики?

Традиционная типология часто понималась слишком узко и была нацелена на морфологию, которая хотя и служит для различения установленных типов, но не составляет сущности языка. Исследования в области лексикологии и лексической семантики, однако, выдвигают и другие критерии как универсального, так и специфического для отдельных языков характера. Универсальными являются, с одной стороны, семантические явления и отношения типа синонимии, антонимии, полисемии, омонимии, гиперонимии, гипонимии и когипонимии, с другой — понятийные компоненты значения, относящиеся к реализмам и явлениям, общим для всех людей (природные явления, пространство, время, родственные отношения), и ограниченным, обусловленным уровнем понятийной дифференциации (например, в русском языке нет понятия «*soigozepes*»). На фоне указанных явлений и компонентов и в связи с ними в качестве релевантных выступают и другие характерные явления и признаки. Ни один язык не олицетворяет один единственный чистый тип, например, в чешском языке доминирует флективный тип синтетического характера, но в нем увеличивается и число аналитических черт, представлены в нем и агглютинативные, изолирующие, полисинте-

тические и инфлексивные элементы. Следовательно, в языках мы имеем дело с определенной количественной пропорцией явлений, которая служит базой для определения типологической доминанты того или иного языка и его типологической характеристики.

Наиболее общей точкой зрения на типологическую дифференциацию, связанную с лексической семантикой, может служить лексическое или грамматическое решение выразительных потребностей. Например, видовые различия могут выражаться посредством морфем (славянские языки), посредством слов, описания (германские, романские языки) или только посредством контекста. Другим удобным универсальным средством установления типологических различий является языковое наименование. В его пределах по-разному выступают автосемантические и синсемантические элементы; так, например, в венгерском языке славянским предложениям соответствуют эквиваленты в окончаниях имен и послелогах, в немецком языке в некоторой позиции прилагательные понимаются как наречия. Автосемантические единицы характеризуются по преимуществу противопоставлением назывных единиц, мотивированных в словообразовательном плане, т. е. описательных, единицам немотивированным, знаковым. У мотивированных назывных единиц проявляются тенденции к универбизации и плюривербизации, причем при универбизации речь идет о производных образованиях и сложных словах. Например, в чешском языке проявляется тенденция к образованию производных слов, в немецком — сложных, во французском — словосочетаний: *železnice* — *Eisenbahn* — *chemin de fer* «железная дорога». Разумеется, встречаются и противоположные случаи; например, в терминологии часто проявляется как тенденция к универбизации, так и тенденция к дифференциации, т. е. к плюривербизации. Так что определяющим выступает именно пропорция этих явлений как целого.

Что касается значений слов и их иерархии, то в языках выступают оппозиции абстрактных и конкретных слов, слов господствующих и слов подчиненных, сопровождающихся различиями в частоте употребления, оппозиция значений понятийных и прагматических. Далее, намечаются следующие тенденции: автономность слов, наибольшая у существительных и особенно терминов, полисемия и омонимия лексем и их контекстуальная обусловленность, степень использования просодических средств, в особенности ударения и интонации, постоянных или вольных (например, во вьетнамском языке большая часть слогов произносится шестью различными тонами). Когда будут составлены довольно подробные словари частных систем (идеографические), будет возможно сравнивать частные семантические системы, поля и т. п. в отдельных языках и устанавливать отличия в их организованности и в глубине их иерархических отношений.

Языковая типология включает несколько областей: общую типологию, типологическую характеристологию отдельных языков и контрастивную типологию, сопоставляющую вначале два языка: типологически близкие (чешский и словацкий), родственные (чешский и русский), родственные в культурном отношении, но типологически различные (чешский и немецкий) и типологически удаленные (чешский и вьетнамский). Предпосылкой развития языковой типологии в области лексикографии как раз и является межъязыковая конфронтация и единый метаязык.

Филипец Й. (Прага)

В о п р о с № 23. Какова, по вашему мнению, специфика отношений различных уровней славянских языков (фонетического, словообразовательно-морфологического, лексико-семантического) в типологическом плане: изоморфизм, автономность?

Между языковыми уровнями не существует отношений только изоморфизма или только автономности. И з о м о р ф и з м проявляется лишь в известной степени, так как единицы всех уровней (фонема, морфема грамматическая и словообразовательная, лексема, фраза, предложение, текст) характеризуются формой и функцией, выступают как тип и употребление (эмтические и этические единицы), расчленимы на компоненты, образуют иерархические группы, оппозиции, корреляции и классы (частные подсистемы, поля). Представлены здесь также различия количественные (ограниченное число фонем — огромное количество лексем) и качественные: фонемы в отличие от единиц остальных уровней не обладают значением в широком смысле этого слова, элементарные единицы образуют более высокие единицы; в данном случае, следовательно, выступает отношение включения, хотя и здесь имеются переходные случаи. Фонемы образуют морфемы, последние реализуются в рамках лексем, однако, в отличие от них не образуют частей речи, слова создают словосочетания, формы слов образуют фраземы, предложения и тексты. Лексеммы и фраземы обладают функцией наименования, фраземы имеют связанные значения и внутренний синтаксис, фразы и тексты обладают коммуникативной функцией. Лексеммы своими значениями находятся в непосредственном отношении к действительности (к денотатам) и передают это отношение остальным единицам.

Отдельные уровни образуют специфические частные подсистемы языковой системы различной иерархической сложности, эти частные подсистемы, однако, друг с другом соединены сложными отношениями разных аспектов соответствующих единиц. Например, слова выступают в фонетическом виде, иногда в графическом и, как правило, охватываются комплексными категориями частей речи, изменяемые слова охватываются морфологическими категориями, а в качестве употреблений на эмпирическом уровне — вступают в состав предложений и целого текста.

Лингвистическое описание отдельных языковых уровней содержит анализ и синтез, однако для обычного говорящего все уровни составляют некий комплекс, иерархически организованное единство языка. Следовательно, можно определить отношение языковых уровней в духе диалектики как относительный гетероморфизм и интегрированную автономию.

Филипец Й. (Прага)

В о п р о с № 24. Сколь активны и насколько характерны встречаемые процессы грамматикализации словообразовательно-лексических явлений и лексикализации грамматических в праславянском, в письменной истории и современных состояниях славянских языков?

В современном чешском языке, как и в других славянских языках, активны процессы грамматикализации (лексические явления становятся грамматическими) и противоположные процессы лексикализации. Первый из них более активен. Эти явления свойственны всей истории языка.

А. Из процессов грамматикализации наиболее характерны:

1. Переход в области частей речи

1.1. Значимые слова переходят в служебные, в частности, существительные переходят во вторичные предлоги: сущ. *zřetel* «точка зрения» — *se zřetelem k něčemu*, *na něco* «с точки зрения чего-либо»; аналогично

vzhledem k něčemu, vinou něčeho; глаголы переходят во вторичные предлоги: *dbát — nedbáje, nedbajíc něčeho, na něco* «не обращая внимания на что-либо», аналогично у глаголов *hledět, počítat, zahrnout* и др. (Ср. примеры: *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 1978*).

1.2. Омонимия частей речи между полнозначными и служебными словами: *běda* «горе» существительное и наречие (междометие); *potřeba* «нужда» существительное и *potřeba, potřebí* предикатив.

1.3. Переход в рамках служебных слов: *okolo* «около» наречие и предлог; *co* «что» местоимение — местоименное наречие — союз — частица (междометие); *ale* «но» союз — частица (междометие); *potom* «затем» наречие — союз — частица.

2. Д е с е м а н т и з а ц и я, весьма заметная в кругу многозначных глаголов, вторичные значения которых являются функциями глагольного управления.

2.1. *být* I. «быть» — глагол с полным лексическим значением «существовать в пространстве, во времени», II. — связка в сочетании с именем в сказуемом, обычно обозначающим состояние, III. — так называемый вспомогательный глагол; *mít* I. «иметь» — глагол с полным лексическим значением «обладать, пользоваться», II. — модальный глагол, III. — означает существование с точки зрения заинтересованности подлежащего, IV. — формальный глагол, V. — связка, служащая для выражения состояния.

2.2. *na* предлог с вин. и предл. падежами, означающий движение на поверхности, 8. управление у глаголов и имен, означающих работу органов чувств, ощущения, волю, мышление и т. п.; *s, se* предлог с твор., род. и вин. падежами, 6. управление.

3. М о р ф о л о г и ч е с к а я д и ф ф е р е н ц и а ц и я различных значений многозначных лексем приводит к появлению однозначных лексических единиц:

3.1. Различия числа у существительных: *šach* 1. и *šachy* pl. tantum «шахматная игра», 2. только *šachy* pl. tantum «совокупность фигур», 3. только ед. ч. «угроза королю в этой игре»; *seno* 1. «высушенная трава», 2. *sena* pl. tantum «сенокос»; *ruka* («рука») 1.—3. ед. и мн. ч., 4., 5. только ед. ч.

3.2. различия форм: *loket* 1. «локоть» мн. ч., имен. и вин. падежи *lokty*, 2. мн. ч., имен. и вин. падежи *lokte*; *karta* 1. «карта» (род. п. мн. ч. *karet*), 2. (род. п. мн. ч. *kart*);

3.3. число различает названия веществ: *voda* 1. только ед. ч., 2. и мн. ч. «поток, резервуар»; *pivo* 1. только ед. ч. «напиток» 2. и мн. ч. «обычная мера этого напитка: *koupit dvě piva* «две кружки», *vytít dvě piva*; аналогично *vino*; *uhlí* 1, 2. только ед. ч., 3. и мн. ч. «виды угля».

3.4. У г л а г о л о в дифференциацию значения выражают: а) лицо: *jít* «идти»: от 1. до 4. значения представлены все формы лица, от 5. до 11. значения только форма 3-го лица, 12. безличное; аналогично у *vést* «вести»; б) вид: *stačit* «хватать, доставать» только в 1., 2. и 4. значениях двувидовой глагол, в 3. только несовершенного вида: *svést* в 9. и 10. значениях также несовершенного вида; в) возвратность: *potkat* 1. и *potkat se*, 2. *potkat*; *hrát* в 7. и 8. значениях *hrát si*; г) залог: *unést* в 5. значении *být unesen*; *vyznamenat* 2. *být vyznamenán*; *zaměstnat* 2. *být zaměstnán*.

4. С л о в а п е р е х о д я т в м о р ф е м ы, в особенности существительные в предлоги, а последние — в приставки. У приставок весьма распространилась полисемия, ср. чешские *do-*, *na-*, *po-*, *pro-* и др. Это явление характеризует язык во всей его истории.

Б. Л е к с и к а л и з а ц и я также выходит за пределы синхронии. Укажем на следующие факты:

1. С л о в о с о ч е т а н и я с в н у т р е н н и м с и н т а к с и с о м переходят в слова (сложные и производные); здесь происходит универбизация: *budížkněm, utřinos, prácešopný, to je takovej hejpročkej*; собственное имя *Skočdopole* и др., *fotografický aparát* → *fotoaparát* и далее → *fořák*; *tramvaj číslo 2* → *dvojka*; *zaměstnanec dopravního podniku* → *dopravák*; *Karlovo náměstí* → разг. *Karlák*; *počet onemocnění* → *nemocnost*.

2. Форма слова дает слово:

2.1. Форма существительного дает наречие: существительное *celek* «целое» дает наречие *celkem*; аналогично *hopet*, *právem*, *rázem*.

2.2. Глагольные формы становятся самостоятельными словами, часто со специфической полисемией.

2.2.1. Отглагольные существительные: *hnutí* к *hnouti se* 1. «движение», 2. «организация» *dělnické hnutí*, 3. «волнение» (*citové hnutí*); аналогично *jednání* 1. — 4. в противоположность *jednat* 1. — 5., *mazání*, *objetí* I (к *obejmout*), II (к *objet*), *uznání* и т. д.

2.2.2. Отглагольные прилагательные из причастий прошедшего времени: *oblečený* — *obléci (se)*, *oblíbený* — *oblíbit si*, *obrácený* 1., 2. — *obrátit* 1.—3., *poražený* — *poražit se*, *zaražený* — *zarazit (se)*; *ušlapnutý* — *ušlapnout*; *omrzelý* — *omrzet (se)*, *uznalý* — *uznat*, *vystouplý* — *vystoupno-ut* и т. п.

2.3. Сравнительная степень прилагательных и наречий становится самостоятельной лексемой: *horší* «худший» к *zlý* «плохой»; *menší* «меньший» к *malý* «малый»; *starší* «старший» к *starý* «старый»; *méně*, разг. *míň* «меньше» к *málo* «мало».

Филипец Й. (Прага)